

ГЛАВА IV

ПОГРЕБЕНИЯ УРАРТСКОЙ ЭПОХИ

При раскопках дворцовых комплексов и Ошаканского могильника обнаружено несколько погребений с урартским инвентарем, которые имеют различные конструкции. Так, погребение № 3, обнаруженное в помещении III, вырублено в скальном грунте пола этого помещения, что встречается впервые и не повторяется в погребениях других эпох. Погребение № 25, представляющее собой крупный склеп (стены из небольших туфовых блоков правильной формы с грубо тесанной лицевой поверхностью и перекрытое поперечно уложенными плитами), также встречается впервые и не имеет аналогий. Другие погребения ничем не отличаются от остальных погребений Ошаканского могильника, что, на наш взгляд, объясняется тем, что они принадлежали не урартам, а местной племенной знати, широко пользовавшейся урартскими изделиями.

Погребение № 3, расположенное в западном углу помещения III, представляет собой каменный ящик, вырубленный в скальном грунте. Направлено с севера на юг с сильным отклонением к западу. Стенки образованы вырубленными скалами, неровности в которых (а их особенно много с восточной и северной стороны) выложены большими туфовыми камнями. Размеры $2,2 \times 1,1 \times 0,7$ м.

Камни перекрытия отсутствовали. Костяк, судя по отдельным фрагментам костей, по-видимому, находился в лежачем положении, головой на юго-восток. При сооружении дворцового помещения погребение для нивелировки пола было засыпано камнями и землей. Тогда же, по-видимому, оно было разграблено.

Найденные здесь керамические изделия представлены ручкой красного лощеного кувшина с выемчатой вертикальной канавкой, оформлением и способом ангобирования характерной для позднеурартских сосудов, несколькими фрагментами черной и красной лощеных мисок с сильно профилированными бортами, фрагментами венчика черного кувшина, украшенного вертикальными лощеными линиями и фрагментами черного кувшина, украшенного вдавленными горизонтальными линиями. Обнаружен также фрагмент сосуда бледно-желтого цвета с темно-желтыми полосами, нанесенными вместо росписи. Сосуд явно относится к более позднему времени—первым векам до н. э.—и мог попасть в погребение из материалов античного могильника.

Погребение № 4 расположено в центре северной части дворцового помещения III. Ориентировано с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Погребение представляет собой каменный ящик, выложенный из узких длинных плит. Южная его сторона четко наблюдалась на полу помещений, а северная перекрыта внешней стеной указанного помещения, причем таким образом, что восточная боковая стенка наблюдалась и в кладке стены и под полом помещения.

Следов перекрытия и скелета не обнаружено. Внутри, по-видимому, разграбленного погребения найден красный закопченный светильник с небольшим сливом для фитиля с отбитой задней стенкой. В поперечной стенке имеется одно отверстие для фитиля (табл. XLVIII, 13). Подобные светильники широко известны по находкам в Эребуни. Аргиштихинили и особенно Кармир-блуре, где они встречаются десятками. Имея одну и ту же форму, они отличаются лишь количеством отверстий—некоторые экземпляры были снабжены 2-3 отверстиями. Ошаканский светильник относится к наиболее простой форме. Здесь обнаружен также фрагмент нижней части тулова большого черного кувшина.

Погребение № 25. Интересным сооружением Ошаканского могильника является погребение № 25 (табл. LV, 1), представляющее собой большой каменный склеп, расположенный в 200 м северо-восточнее дворцового комплекса и ориентированный с востока на запад с отклонением к северу до 40°. Внутренние размеры склепа 3,1×1,9×1,45 м. Стены были выложены из туфовых блоков среднего размера и перекрыты тремя плитами размерами 1,8×1,5×0,25; 1,8×1,00×0,29 и 1,8×1,00×0,25 м, которые, как и блоки стен, были вырублены здесь же, на месте естественных выходов пород красного туфа. До глубины 0,7 м склеп был пуст, а нижняя часть была заполнена землей, в которой встречались мелкие камни, принесенные талыми водами, просочившимися сквозь щели перекрытия.

В склепе обнаружено 27 скелетов очень плохой сохранности, находившихся в сидячем положении вплотную друг к другу, так что все помещение склепа было заполнено. Лица погребенных были обращены на юго-восток. Хотя скелеты сильно истлели, анатомический порядок костей не был нарушен—черепные кости находились непосредственно над костями таза и ног. Столь плотное расположение костяков позволяет предположить, что умершие были похоронены одновременно. Возможно, смерть последовала в результате эпидемии или, скорее, военных столкновений, на что указывает отсутствие в склепе детских костей.

Можно утверждать, что никто из погребенных не являлся слугой или пленным, сопровождавшим своего господина, чтобы прислуживать ему в потустороннем мире. На это указывает как плотное расположение скелетов (в групповых захоронениях обычно между слугой и господином оставлено какое-либо пространство), так и то, что при каждом погребенном был обнаружен сопровождающий инвентарь. Кроме того, рядом с каждым скелетом или под ним найден обломок большого глиняного саркофага. Очевидно, хоронить в глиняных саркофагах стали уже с начала VI в. до н. э., но так как в данном случае в один, даже большой склеп невозможно было поместить 27 саркофагов, захоронение в гробах было имитировано, для чего был разбит и положен с

умершими один глиняный саркофаг. Саркофаг имеет подтреугольную форму с округленными углами и высокие, чуть расширяющиеся кверху борта, украшенные в верхней части рельефным пояском. Длина саркофага 114 см, ширина—56 и 26 см, высота—88 см (табл. XLVI, 5).

Саркофаги найдены и в других урартских памятниках. В Аргиштихинили обнаружены каменные саркофаги с урартским погребальным инвентарем¹. Глиняные ваннообразные саркофаги зафиксированы при раскопках Алтын-Тепе². Знаменитый саккызский клад в Зивне обнаружен в бронзовом саркофаге в форме ванны³, борта которого были украшены резьбой, изображающей типичную для ассирийских памятников сцену приношения дани, и фигуркой козла, стоящего на розетке со сложным узором, также характерной для ассирийского искусства⁴.

Обнаруженный при раскопках склепа археологический материал состоит из различных керамических изделий, предметов вооружения и украшений.

Керамика представлена в основном урартскими изделиями—разнообразными кувшинами, мисками и чашами. На четырех одноручных кувшинах с округлым вздутым туловом и низкой шейкой, покрытых красным ангобом, видны черные пятнышки, характерные для урартской техники наложения ангоба и обжига (табл. XLVIII, 4, XLIX, 5—7). Аналогии к этим сосудам хорошо известны из Тейшебаини, Эрбуни, Аргиштихинили и других урартских памятников. Два кувшина имеют горло ойнохон, что еще более сближает их с урартскими изделиями. Однако ручки сосудов не плоские с углубленной прорезью, как у урартских образцов, а круглые в сечении, что позволяет связывать их с изделиями VI—V вв. до н. э. Верхняя часть одного экземпляра украшена глубокими вертикальными линиями; центральная часть тулова опоясана пятью горизонтальными линиями. Эти украшения напоминают орнаментику VII—VI вв. до н. э., особенно характерную для сосудов из Хртапоца, Дилижана, Астхилбюра и других памятников Армении⁵.

Два других кувшина широкогорлые, с округлыми венчиками. На плечиках размещены трубчатые сливы, придающие им форму чайника с носиком (табл. XLVIII, 1, XLIX, 4). Верхний конец слива одного экземпляра соединен с венчиком, а ручка круглая в сечении. Ручка другого сосуда уплощенная; верхняя часть тулова украшена горизонтальным елочным орнаментом, сходным с орнаментом, широко распространенным в Северо-Восточной Армении в VI—V вв. до н. э.

Вторую группу сосудов погребения составляют четыре целых и фрагментированных красноангобированных кубка с вытянутым туловом, высокой шейкой и двумя вытянутыми ручками, снабженными

¹ Устное сообщение А. А. Мартиросяна.

² Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1962, с. 24.

³ Там же, с. 25.

⁴ М. А. Дандамаев, Б. Г. Луконин. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 92.

⁵ А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино, табл. XI; С. А. Есаян, Г. А. Оганесян. Указ. соч., табл. XXXVIII, XI, XVI; С. А. Есаян. Астхилбурский могильник, табл. 1С1.

шишковидными выступами (табл. XLIX, 1, 2). Они обнаруживают сходство с сосудами, найденными при раскопках городских кварталов Тейшебаини, цитадели города Эребуни и урартского погребения в Ереване⁶, что в совокупности с новыми находками из Аргиштихинили позволяет датировать ранние образцы подобных сосудов VIII в. до н. э.⁷ Однако судя по аналогам из раннеармянских погребений, расположенных на развалинах городских кварталов Тейшебаини, они продолжали бытовать и в раннеармянское время.

6-7-ю экземплярами представлены безручные лощеные кувшины с округлым вздутым туловом, низкой шейкой и чуть выступающим округлым венчиком (табл. XLVIII, 6, 8—10, 12). На поверхности трех экземпляров, покрытых красным ангобом, также встречаются черные пятна, характерные для урартского производства. К той же группе относятся два аналогичных черных сосуда со слегка лощеной поверхностью. Такие сосуды были распространены в VII—VI вв. до н. э. Они встречаются как в урартских памятниках в сопровождении типично урартской керамики, так и в местных погребальных комплексах указанного времени. Особняком стоит кувшин, покрытый бледно-желтым ангобом, не находящий пока аналогий среди урартских древностей и, по-видимому, относящийся к более позднему периоду—VI в. до н. э.

Значительную группу составляют миски и чаши, покрытые красным ангобом, на лощеной поверхности которых также хорошо видны черные точки и пятна, свидетельствующие об их урартском происхождении. По оформлению эти сосуды делятся на два типа. К первому относятся пять плоских мисок разной величины с плоским или чуть вдавленным днищем, округлым расширяющимся туловом и небольшими сильно профилированными бортами (табл. L, 3, 5, 6, 9, 14). Второй тип мисок представлен глубокими или плоскими широкими мисками с плоским, чуть выступающим нешироким днищем, расширяющимся округлым туловом, крупным округлым, чуть вдавленным вовнутрь венчиком (табл. L, 7, 8, 10, 12, 15). Под венчиком одной глубокой миски проходит канавка, а под венчиком плоской—вдавленная линия. Все эти сосуды по форме очень напоминают аналогичные изделия, обнаруженные при раскопках цитадели Тейшебаини, и датируются VII—началом VI вв. до н. э.⁸

По технике нанесения ангоба и обжига ничем не отличаются от мисок шесть небольших чаш (табл. L, 1, 2), которые также относятся к VII—началу VI вв. до н. э. и имеют аналоги в Эребуни, Аргиштихинили и Тейшебаини⁹. Среди них выделяется небольшая, покрытая красным ангобом чаша с чуть вдавленным днищем, округлым туловом, слегка профилированными краями и небольшим расширяющимся

⁶ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 267.

⁷ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, рис. 18, 69.

⁸ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур (альбом). Л., 1970, 109; С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, II. Ереван, 1967, табл. XXIV; вып. III, табл. XXIX.

⁹ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, рис. 18; С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, вып. II, табл. XVIII; вып. III, табл. XI.

округлым венчиком. Четыре небольшие чаши, покрытые красным ангобом, имеют плоское или чуть вдавленное днище, чуть расширяющееся округлое тулово, вдавленный вовнутрь округлый венчик. Под венчиком одного экземпляра проходит вдавленная линия, а второй снабжен горизонтально поставленной округлой в сечении ручкой (табл. L, 11).

Кроме керамики урартского происхождения, обнаружены также черные сосуды, представляющие собой изделия местного производства. К их числу принадлежит небольшая черная миска-phia с прекрасным лощением. Она имеет небольшое плоское днище, округлое тулово, сильно профилированные борта и чуть заметный округлый венчик (табл. XLVIII, 7). По форме этот сосуд приближается к чашам-phiaм V—IV вв. до н. э., хорошо известным по материалам Джаррата, Ноемберяна, Берда и других мест¹⁰, и, но-видимому, является их прототипом. Керамика местного производства представлена также мисками с широким плоским днищем, расширяющимися прямыми и чуть округлыми бортами и чуть заметным округлым венчиком (табл. L, 4, 13, 16). По форме близки к ним две чаши красного и черного цвета с широким днищем.

Встречаются также единичные образцы сосудов. К ним относятся две кружки красного и черного цвета, одна с низким, другая с высоким туловом, чуть суженной шейкой и выступающим округлым венчиком (табл. XLVIII, 3). Подобные находки часты в погребальных комплексах Армении VII—VI вв. до н. э. и изредка попадают среди материала, относящегося к V в. до н. э.

Интересен небольшой ангобированный кубок розовато-желтого цвета с плоским дном, округлым туловом и чуть расширенной шейкой, завершающейся небольшим округлым венчиком. Как форма сосуда, так и техника нанесения ангоба позволяют отнести этот кубок к несколько более позднему времени и датировать его VI в. до н. э. Единичным экземпляром представлен и небольшой карасовидный кувшинчик (табл. XLIX, 3), аналоги которого встречаются в Тейшебаини и Аргиштихинили¹¹.

Часть металлических изделий, обнаруженных в погребении № 25, как и керамика, архаична и тяготеет к VII в. до н. э. Так, здесь найден фрагмент железного ножа со следами гвоздей в месте закрепления рукояти. Подобные ножи обнаружены и в более ранних погребениях Ошакана. Появившись в IX—VIII вв. до н. э., они бытовали до середины I тысячелетия до н. э. Аналогии их можно найти в материалах Норатуса, Нор-Ареша, Мухана, Астхадзора и др.¹²

Весьма частыми находками в погребении № 25 являются украшения. К их числу относятся бронзовые и серебряные браслеты, среди которых выделяются тонкие браслеты с плоскими разомкнутыми концами, украшенными насечками и точками, и напоминающими по форме змеиные головки (табл. XLI). Подобные браслеты хорошо извест-

¹⁰ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян. Новые данные о материальной культуре древней Армении. ИАН АрмССР, общ. науки, 1961, № 8, с. 76; А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини, с. 144; С. А. Есаян. Могильник раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района. ИФЖ, 1969, № 4, с. 286.

¹¹ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили, с. 48, рис. 14, 111.

¹² А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, с. 208 и сл.

ны из Арин-берда, Кармир-блур, Атарбеяна, Джаррата, Одзуна, Цамакаберда и многих других памятников VIII—V вв. до н. э.

Другую группу украшений образуют круглые в сечении серебряные и бронзовые серьги с заостренными концами и округлыми ромбовидными утолщениями в центре (табл. LIII, 7—14; LIV, 18—22). Такие же серьги обнаружены в погребениях № 73 и № 77 Ошаканского могильника, инвентарь которых представлен урартскими изделиями позднеурартской эпохи. Подобные золотые серьги из золота встречаются в Кармир-блуре¹³, а из бронзы—в Эребуни. Небольшие кольца с заходящими друг на друга концами (табл. LIII, 1—6) типичны для раннеармянского времени.

Следующая группа украшений представлена бронзовыми фибулами с полушаровидно-коническими головками и привесной железной или бронзовой иглой (табл. LIV, 24, 25), какие в Ошакане обнаружены также в погребениях № 46 и № 73. Аналогичные фибулы хорошо известны из Севанского бассейна, Кармир-блур, Норашена, Диллжана и других памятников VII—V вв. до н. э.¹⁴

Из других изделий следует отметить сердоликовые и пастовые бусы, напоминающие урартские (табл. LIV, 3—6, 8—12, 14). Шаровидная вишневого цвета бусина с прекрасно шлифованной поверхностью имеет аналоги среди находок из Кармир-блур¹⁵. Круглая плоская бусина-подвеска розового цвета с молочной сердцевинкой и скошенными шлифованными краями прямых аналогий в памятниках рассматриваемого времени, насколько нам известно, не имеет.

В Ошаканском погребении обнаружено также несколько роговидных каменных блях со сквозным отверстием в центре (табл. LIV, 1—2). Подобные изделия широко представлены в материалах Кармир-блур, где найдены замечательные экземпляры, украшенные кружковым и штриховым орнаментом¹⁶.

Особо следует остановиться на двух печатях. Каменная гиревидная печать с небольшим ушком для подвешивания, по форме напоминающая урартские печати, отличается от них небольшой навесной шляпкой под отверстием (табл. LIV, 7). На лицевой стороне печати изображен летящий грифон с растопыренными лапами и коротким торчащим хвостом. Над фигурой животного проходит гирлянда из косых линий. Этот сюжет, несколько напоминающий урартские, резко отличается от них иконографически. По-видимому, подобные печати, выполненные в более неяркой манере, относятся к позднему времени. На лицевой стороне бронзовой гиревидной печати с небольшим ушком для подвешивания на фоне выполненных штрихами треугольников и косых линий изображен крест. Эта печать имеет элементы сходства с урартскими печатями, но отличается от них сухостью рисунка. По-видимому, и эта печать является несколько более поздней, чем урартские экземпляры (табл. LIV, 13).

¹³ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, III. Ереван, 1955, с. 20, рис. 14.

¹⁴ Ե. Լիշիան, Դավթանեի պեղումները հորհրդային Հայաստանում, рис. 153.

Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, II. Ереван, 1962, 18; С. А. Есаян, Г. А. Оганесян. Каталог археологических предметов Диллжанского краеведческого музея, табл. XIV.

¹⁵ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, I Ереван, 1950, рис. 51.

¹⁶ С. А. Есаян. Каталог археологических предметов Музея истории города Еревана, III, табл. XXXVI, рис. 2, 3.

Особый интерес представляют бронзовые наконечники стрел скифского типа (табл. LII, 2—13), хорошо известные по материалам раскопок Кармир-блур и принадлежавшие, по мнению Б. Б. Пиотровского, врагам, обстреливавшим крепость Тейшебаини в конце VII—начале VI вв. до н. э. Участь Тейшебаини постигла и урартские крепости Топрах-кале и Хайкаберд, о чем свидетельствуют находки там аналогичных стрел¹⁷. Подобные стрелы часто встречаются в Аринберде, Ноемберяне, Акнере и во многих других местах¹⁸ и в крепостях VI—V вв. до н. э. (Астхи-блур, Тмбадир, Норашен), также разрушенных врагами¹⁹.

Как известно, наконечники стрел скифского типа были широко распространены в VII—VI вв. до н. э. в Средней Азии, Северном Причерноморье, на Дону, в Закавказье, хотя сравнительно реже они встречаются и в памятниках V в. до н. э.²⁰ Находки в Ошаканском погребении № 25 бронзовых наконечников стрел, совершенно аналогичных наконечникам, которые обнаружены в Тейшебаини, обстрелянном и разрушенном скифами, позволяет датировать это погребение началом и даже серединой VI в. до н. э. По мнению Б. Б. Пиотровского, высказанному им в частной беседе, ошаканские стрелы могли принадлежать воинам, принимавшим участие в штурме Тейшебаини.

Важное значение как для датировки самого погребения, так и для определения времени сооружения дворцового комплекса, обитатели которого, несомненно, были похоронены в Ошаканском некрополе, имеют черенки железных трехгранных стрел (табл. LII, 10). В Армении одновременно бытовали два варианта стрел этого типа—с опущенными концами в виде небольших усиков или же со срезанными концами. Стрелы со срезанными концами встречаются в ахеменидском слое Аринберда вместе с трехгранными и двуперыми стрелами скифского типа и с железными стрелами, ромбовидными в сечении²¹. Найдены они также в Бердакаре²² и Кармир-блуре²³.

Особенно много таких стрел встречено в Армавири и Арташатс, где они датируются III—II вв. до н. э., и в более поздних памятниках²⁴.

В Кархемыше при раскопках дома, разрушенного в 604 г. до н. э., обнаружены ранние образцы железных трехлопастных наконечников²⁵.

¹⁷ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, с. 240.

¹⁸ С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, с. 48.

¹⁹ С. А. Есаян. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении, табл. 26, 53, 62.

²⁰ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, МИА, № 100, 1961, с. 41.

²¹ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, с. 24.

²² С. А. Есаян. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976, табл. 78.

²³ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, I, с. 19; А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини, с. 136; А. А. Вайман, Г. А. Тиранян. Кармир-блурский некрополь эллинистического времени. ВОН АН АрмССР, 1974, № 6.

²⁴ Г. А. Тиранян. Древнеармянская керамика из раскопок Армавира. ИФЖ, 1971, № 1, с. 226.

²⁵ C. L. Wooley. Carchemish, p. II. London, 1921 (repr. 1969), табл. 22.

В завалах погребений Султан-тепе, датируемых концом VII—началом VI вв. до н. э.²⁶, они встречаются в сопровождении каменных бус и биконических блях типа найденных в рассматриваемом погребении № 25. Ранние железные наконечники стрел найдены также в Персеполсе²⁷. Находки в Ошакане подобных стрел свидетельствуют о том, что они появляются на Армянском нагорье не ранее начала или середины VI в. до н. э. Об этом же говорят и проведенные аналогии из ближневосточных памятников, относящихся ко времени после гибели ассирийского царства.

Железные стрелы принадлежали представителям племен, принимавших участие в уничтожении урартских крепостей Араратской долины, скорее всего, Тейшебаини, поскольку сходство ошаканских наконечников стрел со стрелами, найденными в Тейшебаини, просто поразительно. По-видимому, железные наконечники стрел, найденные в погребении № 25 Ошаканского могильника, являются самыми ранними в Армении и, насколько нам известно, во всем Закавказье.

В заключение необходимо остановиться еще на одной находке. Среди украшений, найденных в погребении, имеется несколько плоских квадратных янтарных бусин темно-коричневого цвета. Наиболее древние янтарные бусины в Армении зафиксированы в погребениях эпохи поздней бронзы Лчашена²⁸ и Гегарота²⁹ (XIV—XIII вв. до н. э.).

Янтарные бусы, относящиеся к концу II—началу I тыс. до н. э., были найдены в погребениях Триалети и Самтавро и Ходжалинских курганах (Карабах)³⁰. Все образцы мелкие за исключением сравнительно крупного ходжалинского образца призматической формы, просверленного по всей длине. Особенно много янтарных бус было обнаружено при раскопках Лорибердского могильника³¹. Много янтарных бус, относящихся к первой половине I тыс. до н. э. было встречено как при раскопках урартских памятников, так и в погребениях местных жителей, в том числе по одному экземпляру в богатейших комплексах Кармир-блур³² и Аргиштихинили.

В Закавказье найдены янтарные бусы, относящиеся и к более поздним эпохам. К числу их принадлежат несколько бусин из погребений раннеахеменидского времени Триалети³³, Куланурхвского могильника и 60 круглых, гиревидных, прямоугольных и иных форм бусин из античных погребений близ Сухуми³⁴.

Вопрос о происхождении янтаря в древнем Закавказье остается открытым. Многие исследователи полагают, что янтарь проник сюда из

²⁶ Seton Lloyd, *Sultantepe*, p. II, *Anatolian Studies*, vol. II, London, 1954, с. 106 107, рис. 6(4, 6).

²⁷ E. Smidt, *Persepolis*, II, табл. 76.

²⁸ Материалы не опубликованы.

²⁹ А. А. Мартиросян, *Армения в эпоху бронзы и раннего железа*, с. 90.

³⁰ Б. А. Куфтин, *Археологические раскопки в Триалети*, с. 42; К. Х. Кушнарева, *Ходжалинский могильник*, ИФЖ, 1970, № 3.

³¹ С. Г. Дзведжан, *Лори-берд*, Ереван, 1981, с. 71.

³² Б. Б. Пиотровский, *Кармир-блур*, вып. III, Ереван, 1955, с. 51.

³³ Б. А. Куфтин, *Указ. соч.*, с. 42.

³⁴ М. М. Трапш, *Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми*, 1962, с. 73; *его же*, *Труды*, вып. 2, Сухуми, 1969, с. 193.

восточносредиземноморских стран, с которыми еще с III тыс. до н. э. был установлен интенсивный товарообмен. В Средиземноморье, в частности, в Грецию (Микены), где было найдено огромное количество бус, согласно некоторым крупным исследователям, в том числе известному английскому археологу Гордону Чайлду, янтарь поступал с севера, (из Дании), проделывая путь через всю Центральную Европу³⁵.

По-видимому, также из привозного янтаря сделана прекрасная статуя ассирийского царя Ашшурнасирапала, изображающая могущественного владыку в образе верховного жреца босым, с непокрытой головой, призванная напоминать богам об их жреце и слуге, а для смертных служить объектом почитания³⁶.

Однако нужно отметить, что существует и так называемый восточный янтарь, известный в Афганистане, Казахстане и во всех закавказских республиках. Впервые янтарь в Армении был обнаружен в районе села Котигюх (Шаваршаван) Ноемберянского района профессором Т. А. Джрбашьяном, исследования которого были продолжены кандидатом геолого-минералогических наук В. Б. Сейраняном³⁷. Котигюхские образцы янтарных смол очень хрупки и не имеют промышленного значения, но не исключено, что в древности отдельные мелкие поделки были изготовлены из местного, а более крупные и качественные—привозного сырья.

Итак, погребение № 25 представляло собой групповую могилу. Найденные при раскопках предметы материальной культуры (безручные и одноручные урартские кувшины, миски и чаши, двуперсы и трехгранные стрелы скифского типа) обнаруживают поразительное сходство с материалами VII—VI вв. до н. э. Наряду с ними в погребении найдено небольшое количество изделий, свидетельствующих о несколько более поздней дате погребения. К их числу относятся сосуды с округлыми в сечении ручками, желтый кувшинчик и розовый кубок, покрытые ангобом, отличающиеся от урартских, которые датируются VI в. до н. э., а также трехгранные железные наконечники стрел, впервые встречаемые в памятниках Армении и Закавказья.

Находки этих стрел позволяют утверждать, что погребение не может относиться к урартскому времени, так как среди многих сотен образцов, обнаруженных при раскопках урартских крепостей Араратской долины и центральной части Урарту, наконечников стрел подобной формы нет. Поэтому, несмотря на большое количество урартских изделий, Ошаканское погребение следует датировать началом—серединой VI в. до н. э.

Находки обломков глиняного саркофага свидетельствуют о появлении обычая хоронить умерших в глиняных или каменных гробах, что подтверждается находками аналогичных саркофагов в Аргиштихили и Алтын-тепе.

Анализ материалов погребения № 25 Ошаканского могильника дает возможность по-новому объяснить наличие урартской керамики

³⁵ Гордон Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, с. 115—116.

³⁶ Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья. Л.—М., 1958, с. 256—257.

³⁷ В. Б. Сейранян. Золотистый камень моря. Промышленность Армении, 1981, № 6, с. 76.

в крепостях раннеармянского времени. Прежде находки в раннесармянских памятниках урартских сосудов связывались с наличием урартского слоя. Теперь же появились основания считать, что эти изделия пережиточно сохранялись и в более позднюю эпоху.

Погребение № 59. Находится в центре могильного поля третьего участка Ошаканского могильника, на восточном склоне малого холма, в 750 м от дворцовых комплексов. Направлено с севера на юг с отклонением к востоку. Внутренние размеры 3,4×3,1×1,45 м. Диаметр круга кромлеха 8,2 м. Стены выложены из больших блоков с максимальным размером до 3 кв. м, поверх которых проходит двухрядная кладка из крупного туфа и булыжника. Перекрыто тройным ложным сводом. По диагонали перекинуты три плиты, через них, накрест, перекинуты четыре плиты, а восьмая плита уложена сверху. Большая часть нижних плит лежит на земле, создавая противовес, верхние постепенно выдвинуты вперед. В южной части погребения был сооружен дромос. Склеп на высоту 1,2—1,3 м был заполнен мелким шлаком, покрывающим всю территорию вокруг него. В древности погребение было разграблено. Грабители проникли в погребение через отверстие в южной части, откуда был снят один камень под плитой. Разгребав шлаковую засыпку, которая, по-видимому, была ниже, они развернули изделия и скелеты и отобрали ценные, в основном металлические предметы. Значительная часть керамики была перебита и черепки разбросаны, так что части сосудов, перемешанные с костями, выходили из разных углов погребения. Это обстоятельство не дало возможности установить характер трупоположения. Однако тот факт, что в погребении обнаружено 11 черепов, позволяет предположить, что покойники были захоронены в сидячем положении.

Под южной стенкой, в противоположной от дромоса стороне, сохранились следы золы и мелких углей, свидетельствующие о том, что погребение очищалось огнем. Следы огня не являются свидетельством кремации, так как кости не обуглены. Здесь же найдены два каменных фаллоса.

Погребение было разграблено в III в. н. э. Свидетельством этого является находка в шлаковой засыпке под отверстием, откуда пробрались грабители, трех серебряных сасанидских монет Варахрана I (274—276 гг. н. э.), очевидно, выпавших из их карманов.

Обнаруженный в погребении материал состоит из фрагментов различных сосудов, разбитых при ограблении, железного оружия и большого количества украшений (табл. LVI—LXII, LXIII, 1—7).

Урартская керамика погребения № 59 представлена разнообразными глубокими мисками с профилированными бортами и небольшими чашами с аналогичными или округлыми бортами (табл. LVI, 4, 7, 9, 13, 14, LVII, 4—10, LVIII, 6, 7, 9, LIX, 1, 3—5, LXIII, 1—7). Для последних характерны вдавленные вовнутрь или слегка выступающие наружу венчики. Все они за исключением одной черной чаши и одной черной миски покрыты красным ангобом и хорошо залощены. Подобная керамика находит широкие аналогии среди керамических материалов Аргиштихинили и Тейшебаини. В нижней части тулова черной миски сохранилось клеймо мастера в виде трех горизонтальных линий (табл. LXIII, 7), соединенных слева одной вертикальной линией. Урарт-

ские сосуды с подобными метками часто встречаются в керамических комплексах Кармир-блур.

Вместе с ними найден фрагмент крупной фиалы с такой же англобированной поверхностью и с каннелюрами на бортах. Этот сосуд напоминает бронзовые ребристые чаши, хорошо известные по материалам Кармир-блур. Появление подобных керамических сосудов, по мнению Б. Б. Пиотровского³⁸, было вызвано стремлением урартских гончаров копировать формы металлической посуды. Аналогичные фиалы часто встречаются при раскопках Эребуни³⁹.

В этом же погребении найдена глиняная курильница в виде небольшого кувшина на высокой трубчатой ножке, имеющая аналогии в Кармир-блуре⁴⁰ и Аргиштихинили⁴¹ (табл. LVII, 3).

Наибольший интерес среди керамических изделий склепа представляет кувшин с отбитой шейкой, в нижней части покрытый красным ангобом. Верхняя часть сосуда украшена каннелюрами и покрыта ангобом кремового цвета. Выступы каннелюр украшены шахматным орнаментом красного цвета, а в углублениях между ними проведены три вертикальные линии того же цвета, которые, полукругло соединяясь друг с другом, образуют своеобразные гирлянды, очерчивающие каннелюры (табл. LVII, 2). Этот кувшин относится к группе расписных урартских сосудов и несколько сближается по своей ornamentации с сосудом типа аск, найденным в Кармир-блуре. На обоих сосудах роспись выполнена на ангобе кремового цвета, а те части сосудов, которые лишены росписи (на аске—горло и ручка), покрыты красным ангобом. Об их близости свидетельствует также шахматный орнамент. Б. Б. Пиотровский, говоря об урартском происхождении аска, отмечает, что «этот сосуд с первого взгляда показался привезенным из Средиземноморья или Ирана, но более внимательный анализ отчетливо выявляет в нем черты, характерные для урартской керамики»⁴².

С аском и ошаканским кувшином сближается и другой расписной сосуд из Кармир-блур—кубок в форме сапожка, украшенный бурой росписью в виде шахматного узора и кружочков по светло-кремовому ангобу⁴³.

Привозным, по вероятности, является вытянутый флакончик из белого фаянса с невысоким горлом и округлым венчиком, покрытый голубой глазурью (табл. LXII, 2). На одном плечике имеется вертикально поставленная ручка со сквозным отверстием. Горлышко украшено темно-коричневой полоской⁴⁴.

Фаянсовые сосуды обнаружены и в других погребениях Ошакана. Так, в погребении № 75 найдена небольшая фаянсовая мисочка на трех ножках с небольшой ручкой со сквозным отверстием, также изготов-

³⁸ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, с. 189.

³⁹ Там же, с. 189, 193.

⁴⁰ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II, с. 23.

⁴¹ А. А. Мартиросян, Аргиштихинили, рис. 70.

⁴² Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, с. 191.

⁴³ Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту, с. 109.

⁴⁴ С. А. Есаян, Находки урартских изделий в Ошаканском могильнике. Сб. «Древний Восток и мировая культура», М., 1981, с. 95.

ленная из белой пористой массы и покрытая голубой поливой; донышко украшено косыми и волнистыми линиями и полукружьями, нанесенными такой же поливой более темного цвета. Голубой поливой покрыта и мисочка из белого фаянса, обнаруженная в погребении № 99. Донышко сосуда кольцевое; борта украшены крестовидным орнаментом, нанесенным желтой поливой. Такой же плохо сохранившийся орнамент на внешней поверхности миски.

Фаянсовые сосуды различных форм в настоящее время хорошо известны из многих памятников Армении и Закавказья: Кармир-блур, Кировакана, Двина, Айгевана, Мецамор, Ширикавана, Лори-берда, Ходжали, Ханлара, Самтавро, Тriaлети, Диагоми, Мели-геле, Трели и др.⁴⁵ Большинство исследователей считает эти изделия привозными из Ассирии или Египта, в последнем случае непосредственно или через родосских мастеров, где широко копировались египетские изделия и становились предметами мировой торговли.⁴⁶

Нам кажется, что не все находки вышеуказанных изделий из памятников Армении и Закавказья являются привозными. Для правильного понимания этого вопроса, на наш взгляд, необходимо остановиться на термине «фаянс» в приложении к древнему производству.

Б. Б. Пиотровский под термином «фаянс» условно называет пасту, пористую керамическую массу, покрывающуюся глазурью.

Ю. Л. Шапова, основываясь на богатом материале многих исследователей, полагает, что для древних изделий фаянса можно исключить глазурирование как самостоятельную операцию и что часть египетских фаянсов изготовляли в один прием. Все физические и декоративные свойства они приобретали одновременно вместе с обжигом основы в течение одной термической операции⁴⁷.

Анализ вышерассмотренного материала показывает, что в памятниках Армении и Закавказья встречается фаянс двух видов: 1) изготовленный из классического «фаянса» — белой пористой массы с глазурированной двухсторонней поверхностью, к которым относятся находки из Ошакана, Айгевана, Кармир-блур, Лори-берда, Ходжали, Тriaлети и т. д. и 2) сосуды, изготовленные из обычной местной гли-

⁴⁵ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур III, с. 21; Г. Караханян, В. Мирзоян. Древнее захоронение с поливной керамикой. ВОН АН АрмССР, 1976, № 11, с. 71—73; Ч. Մաքսիմյանի, Դրոշ քաղաքի մեջ նրա պեղումները, II. Երևան. 1982, էջ 118, ա XII, նկ. 3—4; С. Г. Деведжян, Лори-берд, с. 53—54; К. Х. Кушнарева. Археологические работы 1954 г. в окрестностях Ходжали ТАЭ. МИА № 67, М.—Л., 1959, с. 384; А. А. Спицин. Археологические раскопки Э. Рэслера в Елизаветпольской губернии в 1901 г. ИАК, вып. 16, СПб., 1902, с. 5; F. Bayerns. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde Kaukasien, ZPE. Berlin, 1835, с. 34; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Тriaлети, с. 52; К. Н. Пицхелаури. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV—VII вв. до н. э.), Автореф. докт. дисс., Тбилиси, с. 55; Р. Абрамишвили, И. Султанишвили, К. К. Кохиани, Н. Окropиридзе. Тбилиси, Археологические памятники, I. Тбилиси, с. 18, табл. X; J. de Morgan, Mission Scientifique en Perse, vol. IV, Paris, 1896, с. 105, табл. V.

⁴⁶ Р. М. Джанполадян. О трех образцах стекла из Кармир-блур, СА, 1961, № 1, с. 307—309.

⁴⁷ Ю. Л. Шапова. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983, с. 61.

ны, к числу которых относятся изделия из того же Айгвана и Триалети⁴⁸.

Между этими двумя типами имеется принципиальное различие. Так, при изготовлении керамики исходным и основным материалом является глина, к которой в качестве добавок и примесей прибавляют песок, известь и т. д. В фаянсах же песок и щелочные земли выступают в качестве основных и к ним прибавляются щелочи, а глинозем присутствует в стекле и фаянсе в качестве несобязательной добавки. Следовательно, между исходными материалами керамики и фаянса постепенного перехода нет—это качественно различные искусственные смеси.

Исходя из вышесказанного «фаянсовые» изделия Арменни и Закавказья можно подразделить на два основных вида: 1) фаянсовые изделия из белой пористой массы, которые, на наш взгляд, являются импортными и 2) сосуды из обычной глины, покрытые глазурью, которые имеют местное происхождение и выполнены под влиянием импортных изделий.

Металлический инвентарь и украшения погребения 59 представлены небольшим железным ножом (табл. LX, 28) и небольшим гвоздевидным предметом (табл. LX, 23), многочисленными бронзовыми и одной каменной пуговицами и различными украшениями: браслетами, кольцами, серьгами, фибулой и двумя трубочками. Кроме металлических украшений найдено много крупных сердоликовых и агатовых прекрасно отшлифованных бус и еще большее количество пастовых бус, часть которых изготовлена из стеклянной смальты. Найдено также небольшое количество раковин каури (табл. LX, 1—22, 24—27, LXI, LXII, 1, 3, 4).

Все эти изделия хорошо известны по находкам в Кармир-блуре, что имеет важное значение для датировки погребения. Особо следует остановиться на двух глиняных хорошо обожженных квадратных пластинах, которые украшены изображением льва в точечном обрамлении. Эти пластины были обтянуты тонкой золотой фольгой, следы которой четко наблюдались на обеих пластинах (табл. LIX, 6, 7).

Интересна также золотая обкладка какого-то предмета с плетеным орнаментом (табл. LIX, 2).

Погребение № 62 находится в 6 м западнее погребения № 59. Оно направлено с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. По конструкции аналогично погребению 59. Размеры 4,5×3,5×1,7 м. Круг кромлеха—8,5 м. Плиты перекрытия отсутствовали. Они были разбиты и часть их в виде крупных изломанных камней и массы отщепов была обнаружена на дне погребения. Истлевшие кости скелетов были разбросаны, однако по сохранившимся фрагментам в черепных костях можно предположить, что здесь было захоронено 10—12 человек. Инвентарь погребения был разграблен, и среди отщепов и шлака, заполнившего погребение, было обнаружено несколько фрагментов керамических изделий и небольшое количество украшений.

Керамические изделия в основном представлены фрагментами и частично сохранившимися сосудами местной керамики черного цвета. Небольшой группой здесь представлены крупные и небольшие узко-

⁴⁸ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, табл. XX.

горлые безручные кувшины, украшенные шевронами из слабо нанесенных линий. Внутреннее пространство заполнено косыми линиями или вертикальными точечными линиями. Встречаются также фрагменты кувшинов, украшенные горизонтальными, косыми или волнистыми линиями, а также семейчовидным орнаментом. Кроме кувшинов здесь же найдены фрагменты небольших мисок, украшенных линейным орнаментом. Найдена также крупная глубокая красная миска с широким плоским дном с загнутым вовнутрь округлым венчиком. В единственном числе найден горшок грубой ручной лепки, украшенный ногтевым орнаментом (табл. LXIV, 5—11).

Керамический инвентарь погребения 62 близок по фактуре и оформлению с инвентарем погребения 59 и также имеет архаичные черты.

Найденные украшения в основном состоят из различных сердоликовых вишневого и розового (малинового) цветов и агатовых бус, имеющих шаровидную и мушкетную форму с хорошо отшлифованной поверхностью. Кроме каменных бус найдено небольшое количество крупных пастовых бус трубчатой формы и раковин каури. Найдена также крупная гиревидная подвеска из голубой пасты, украшенная зерну и крестовидным орнаментом, аналоги ее известны из Кармир-блур, Ахлатяна и Атарбеяна⁴⁹, а также несколько металлических изделий: крупная бронзовая фибула, верхняя дугообразная часть которой имеет витую форму, золотая трубчатая бусина и небольшая гривновидная серьга с завернутыми петлевидными концами, которая встречается также в Кармир-блуре (табл. LXV).

Раскопки урартских погребений, кроме обнаруженных богатых комплексов, значительно пополнивших наши представления о замечательной культуре Ванского царства, дали также новые материалы о формах этих погребений. Вместе с тем материалы погребений № 59 и № 62 свидетельствуют о широком проникновении урартской материальной культуры в среду местной племенной знати, что ранее наблюдалось по материалам Астхадзорского, Лорибердского и Головинского могильников. Особенно примечательно, что материалы погребения № 25 четко показывают, что урартская культура здесь бытовала еще в первые десятилетия VI в. до н. э.

⁴⁹ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. III, табл. IV, рис. 13.